

Интерпретация «Феноменологии духа» у А. Кожева

Болдырев Иван Алексеевич

аспирант

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: qat@yandex.ru

Александр Кожев (1902-1968), французский философ русского происхождения, читал свои знаменитые лекции по «Феноменологии духа» в 1933-1939 годах. Его книга вышла в свет в 1947 году¹. Кожева можно считать одним из наиболее известных представителей французского неогегельянства, его идеи прослеживаются в трудах многих современных ему философов (например, Сартра или Мерло-Понти), они формировали не только восприятие Гегеля во Франции, но и интеллектуальную атмосферу диалектического философствования в целом.

Кожев считает, что гегелевская логика не является гносеологией, поэтому диалектика – это не метод, не способ исследования или изложения. Логическое у Гегеля, как полагает Кожев – это бытие, раскрытое в мышлении, с помощью дискурса. Понятие – это концептуально понятая реальность, а структура мышления определяется структурой того бытия, которое это мышление раскрывает. Мышление, таким образом, «диалектично» лишь в той мере, в какой диалектично раскрываемое в нем бытие. Бытию же присуща имманентная негативность, способность самоотрицания, о которой мы скажем ниже. Метод Гегеля, по Кожеву, должен обеспечить соответствие бытия и мышления, мышление должно приспособливаться к реальности, *не привнося в нее никаких изменений*². Метод, собственно, и есть объективная структура реальности, раскрываемой в процессе описания. Здесь Кожев принципиально расходится не только с Марксом, но и со всей марксистской традицией интерпретации гегелевской философии, в рамках которой Гегель рассматривался как предшественник Маркса в деле создания диалектической «теории-практики», направленной на активное преобразование мира. Кожев считает, что научное познание никогда не бывает пассивным, созерцательным и дескриптивным. Но наука полагает объект отделенным от субъекта, а потому, в отличие от философии, никогда не достигает истины. Увидеть антитезис за тезисом, необходимость преодоления простой идентичности, способен лишь философ поэтому он не противодействует реальности, а описывает ее. Ученые же «погрязли» в идентичности, поскольку стремятся преобразовать реальность и потому пребывают в заблуждении.

Адекватное и полное раскрытие реальности осуществляется в системе «Мудреца» (с которым, по мнению Кожева, и отождествляет себя Гегель). Метод мудреца диалектичен лишь в том смысле, что верно отражает диалектическую структуру реальности, раскрытой через дискурс (речь), или дискурса, раскрывающего реальность. Гегель, согласно Кожеву, вообще отказался от диалектики (то есть от метода, изобретенного Сократом и Платоном, от метода диалога и дискуссии). В самом себе гегелевский дискурс не диалектичен, это не диалог и не спор, а феноменологическое описание реальной диалектики. Гегелю было достаточно наблюдения диалектики в

¹ В различных вариантах материалы этой книги были опубликованы на русском языке. См.: Кожев А. Введение в чтение Гегеля // «Новое литературное обозрение», №13 (1995). С. 59-77; Кожев А. Идея смерти в философии Гегеля. М.: Логос, Прогресс-Традиция, 1998; Кожев А. Введение в чтение Гегеля. СПб: Наука, 2003.

² Кожев опирается на следующее положение Гегеля: «Чистое самопознавание и абсолютном инобытии, этот эфир как таковой, есть основание науки или знание в общем виде. Начало философии предполагает или постулирует, что сознание находится в этой стихии. Но эта стихия получает само свое завершение и прозрачность лишь благодаря движению своего становления. ...Так как эта стихия, эта непосредственность духа, есть то, что в духе вообще субстанциально, то она есть просветленная сущность, рефлексия, которая сама проста и есть непосредственность как таковая для себя, бытие, которое есть рефлексия в себя самого. Наука, с своей стороны, требует от самосознания, чтобы оно поднялось в этот эфир – для того, чтобы оно могло жить и жило с наукой и в науке» [Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 19].

истории. Абсолютная истина мудреца (то есть Гегеля) представляет собой синтез всех философий, осуществляемый историей.

Диалектический момент реальности Кожев предельно антропологизирует. В качестве одного из примеров он приводит ситуацию со временем, несколько перефразируя диалектику чувственной достоверности из «Феноменологии духа». Именно человек может совершить ошибку, неверно сказав, который час, и придать реальность чему-то ложному, ничто. Заблуждение (как исключительно человеческое проявление) продолжает существовать, не являясь чистым небытием, поскольку может быть исправлено самим человеком. Изменяется вовсе не ошибочный дискурс, дабы прийти в соответствие с бытием – это бытие преобразуется, чтобы стать соответствующим дискурсу. Благодаря диалектической структуре бытия (неотделимой от человеческой реальности) в мир может быть введен отрицающий момент труда и борьбы, с помощью которого заблуждение может быть исправлено³. Собственно «диалектический» процесс доказательств и опровержений свершился, согласно Кожеву, еще до Гегеля, в ходе борьбы и труда, а Гегелю остается зафиксировать результат этого процесса, который будет исчерпывающе истинным, ибо история закончится. Узнать, закончилась ли история, можно, если удастся заметить, что философия целиком охватила все провозглашаемые ею тезисы и антитезисы, конец системы стал ее началом, то есть не осталось больше нового тезиса, который сам не был бы моментом гегелевской системы. Дискурс этой абсолютной науки может быть повторен бесконечное количество раз, но его нельзя радикально преобразовать во что-либо новое, а значит, он и есть абсолютная истина. Диалектична, по Кожеву, только общественная жизнь, но не природа. Только человек в истории может силой негативности преобразовать идентичность в тотальность. Кожев уравнивает в правах категории свободы, действия, отрицания и истории. Определяющей для человека оказывается его способность к труду и борьбе, его действие⁴. При этом диалектично не данное (Sein), а раскрытое (Begriff) бытие. Если человек перестает творить новое, он прекращает быть человеком.

Центральным пунктом всей «Феноменологии духа» Кожев сделал диалектику господина и раба. Отметим важные для нас элементы этого анализа. Желание признания, в которое вовлечены люди на протяжении всей истории человечества, есть желание желания, то есть чего-то, реально не существующего. Изменяя мир своим трудом, раб изменяется сам. Именно труд является аутентичным проявлением негативности, или свободы, именно он делает человека диалектичным существом, которое непрерывно изменяет себя. Борьба (и олицетворяющий ее господин) являются лишь катализаторами истории, они вызывают ее движение к жизни, но на деле осуществляют его не они. Только раб способен захотеть стать другим, способен желать изменений. Гражданин универсального и гомогенного государства, которое провозглашается Гегелем в конце истории, уже не господин и не раб, это некий «тотальный человек», переставший вести борьбу и трудиться. Ключевой особенностью антропологии Гегеля, согласно Кожеву, является признание факта конечности человеческой жизни, осознаваемого человеком. Темпоральность – еще одна важнейшая характеристика диалектической тотальности (человеческое ничто «ничтожествует» в бытии только в качестве времени). Смертность человека, его преходящая природа отождествляются Кожевом с негативностью и свободой как основополагающими чертами человеческой реальности. Только осознав

³ Например, человек может захотеть летать и своим трудом построить самолет, изменив тем самым мир природы, или путем борьбы убить ненавистного тирана, изменив тем самым мир истории.

⁴ Кожев приводит следующие слова Гегеля: «Истинное бытие человека, напротив, есть его действие; в последнем индивидуальность действительна (wirklich)... Во-первых, [оно снимает] мнимое как телесное покоящееся бытие: в поступках индивидуальность проявляется скорее как негативная сущность, которая есть лишь постольку, поскольку она снимает бытие. Во-вторых, действие снимает неизреченность мнения точно так же и относительно обладающей самосознанием индивидуальности, которая в мнении есть индивидуальность бесконечно определенная и определяемая» [Феноменология духа. С. 165-166].

свою смертность, человек может осознать весь драматизм мировой истории и действительно стать человеком. В этой связи Кожев пишет и о том, что философия Гегеля – единственная подлинно атеистическая философия.